

Лотман Ю.М.

«Зимний вечер»

<...>

Текстуальная работа. <...>

Стихотворение «Зимний вечер» строится на контрасте между природой и настроением поэта. Как и в «На холмах Грузии...», в первом стихе нам встречается слово «мгла». Но это мгла другого рода. Темнота зимней ночи пронизана крутящимся снегом, а не умиротворяющим лунным светом. В «На холмах Грузии...» мгла, льющаяся от луны, не закрывала ясного неба. Это видно из <...> черного варианта:

Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла
Мерцают звезды предо мною.

Звезды на небе — верный знак ясной ночи и чистого неба.

В «Зимнем вечере» мгла — порождение бури, она кроет небо и создает совершенно другой пейзаж: мутную темноту непроглядной зимней ночи.

Встречалось нам и слово «вихрь». В стихотворении «Анчар» оно отождествлялось со злым началом в природе:

...Вихрь черный
На древо смерти набезит...

Образ крутящихся вихрей в сознании Пушкина неизменно связывался с чем-то зловещим, страшным, с потерей пути, блужданием в темноте. Ср. в стихотворении «Бесы»:

Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Еще более выразительно в «Капитанской дочке»: «Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. “Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран”...

Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихрь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали. “Что же ты не едешь?” — спросил я ямщика с нетерпением. “Да что ехать! — отвечал он, слезая с облучка; — невесть и так куда заехали; дороги нет, и мгла кругом”».

Заключительные слова «дороги нет, и мгла кругом» прямо перекликаются с «Зимним вечером».

Итак, стихотворение начинается с картины разбушевавшейся враждебной стихии. Это подчеркивается звукоподражанием. Первые четыре стиха выделяются воющими звуками «у» и «р» (*буря, крутя*) и звуковым повторением (*зверь, заплачет*). Воющие звуки первых четырех стихов особенно заметны при сравнении с шуршащими последних четырех стихов той же строфы («обветшалый», «соломой зашуршит», «в окошко застучит»).

Вторая строфа вводит в стихотворение образ «бедной лачужки». Все стихотворение построено на противопоставлении мира бури — того, что находится за стенами дома, мира наружного, внешнего, и мира дома — того, что заключено внутри «бедной лачужки». Внешний мир наделен чертами хаоса, там господствуют темнота, холод, беспорядочное движение и разнообразные, тоже не согласованные между собой, резкие звуки. Буря — «воет», «плачет», «шуршит», «стучит», «завывает». Этому шабашу звуков противо-

стоит тишина («приумолкла у окна») и однообразный, ровный «домашний» звук жужжащего веретена. Противопоставление безопасного светлого и теплого, своего пространства дома угрожающему, холодному и чужому внешнему миру встречается постоянно в поэзии Пушкина и связано для него с глубокими философскими размышлениями. Дом для Пушкина — «родное пепелище», место, где человек ощущает свою ценность, не завися ни от царей, ни от жандармов, ни от цензуры. В стихотворении «Вновь я посетил...» Пушкин, думая о будущих поколениях, представляет их себе в образе внука, который в том же родовом углу, в котором сейчас находится поэт, через десятки лет вспомнит о нем. Дом, в котором жили деды и в котором будут жить внуки, получает в сознании Пушкина символический характер: он связывается с гордой независимостью человеческой личности, чувством собственного достоинства. Говоря о любви к родному дому, к отеческим могилам, Пушкин писал:

На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека
И все величие его.

Слово «самостоянье», созданное Пушкиным, замечательно выражает понятие гордости, чувства уважения к себе, соединения культуры с ценностью человеческой личности. Все это связывается Пушкиным с понятием родного дома. А родным домом для него был во всю его жизнь только один дом — уединенный домик в Михайловском, где он оказался, высланный из Одессы, в 1824–1826 гг. один с няней своей Ариной Родионовной и где в занесенном снегом доме проводил с ней долгие зимние вечера. Именно об этом доме — «ветхой лачужке» — и говорит поэт в стихотворении «Зимний вечер». Стихотворение построено как столкновение двух начал: хаотического начала зимней бури и несущего защиту и безопасность дома. Особенность стихотворения в том, что активность принадлежит буре. С этого слова начинается стихотворение, это слово своим звуковым комплексом задает основной тон фонологической окраске текста, оно же означает носителя основных активных действий. Вокруг бури сосредоточены активные глаголы, приписывающие ей целенаправленную деятельность. В результате буря одушевляется и персонифицируется. Она как бы становится лицом, наделенным злой волей и имеющим свою, враждебную поэту цель. Буря стремится проникнуть в дом, она ищет проходов на крыше, шурша соломой, или стучит в окно, как путник. Воя зверем, она запугивает тех, кто в доме; плача, как ребенок, она обманывает их, пытаясь выманить наружу.

Дом противостоит буре. Однако в посвященной ему второй строфе поэт подчеркивает ненадежность этой защиты. Дом назван «ветхой лачужкой». Уже это показывает, что против мощного натиска стихии он — ненадежный оплот. О том же говорит и описание внутренности дома. Буря как бы уже проникла в дом, ее завывание раздается внутри дома. И при этом, что очень важно, «ветхая лачужка» не только убога, но и темна. Мы знакомы с символикой света в творчестве Пушкина и знаем, что борьба добра против зла постоянно принимает у него образ торжества света над тьмой. Тьма господствует за стенами дома, но и в самом доме не светло. Этому же соответствует и господствующее в доме настроение. Мы видели, например, в «Вакхической песне», что для поэта свет и добро соединяются с весельем, а темнота — с унынием. В «ветхой лачужке» невесело. В стихотворении «На холмах Грузии...» поэт познакомил нас со светлой печалью, в «Зимнем вечере» лачужка — «и печальна, и темна». Здесь господствует темная печаль. Отсюда и образы утомления, дремоты, определяющие внутреннюю атмосферу «ветхой лачужки». Сопоставление бури в первой строфе и «ветхой лачужки» во второй демонстрирует неравенство сил в борьбе и, казалось бы, предсказывает победу хаотического злого начала. Третья строфа начинается со столь же ударного слова, как и первая. Мы видели, какое значение для Пушкина имеет образ веселья, радости. В «Вакхической песне» поэт связал радость, пир, вино и любовь с разумом и свободой. В «Зимнем вечере» эта тема

получает дальнейшее развитие. Третья строфа как бы освещает темную внутренность «ветхой лачужки». Поэт обращается к темам, знакомым нам по «Вакхической песне»: вино, поэзия («спой мне песню») и радость, торжествующая над горем. Но смысл повторения этих тем иной. Там поэт находился в кругу единомышленников и радостно встречал восход солнца, здесь он один, в ссылке, зимней ночью, окруженный воем бури. Радость и веселье получают здесь у Пушкина иной смысл. Это — средство *выстоять*, сохранить себя, не пасть духом. Не стены дома, не убранство, роскошное освещение или веселый круг друзей защищают поэта от бури, а его собственная стойкость, способность весельем побеждать горе, торжествовать над одиночеством. Союзником поэта оказывается поэзия. Однако очень важно, что поэзия предстает перед ним в образе *народной песни*, а Муза является к нему в виде престарелой няни. Стихотворение заканчивается итоговой синтетической строфой, построенной исключительно интересным образом. Первые четыре стиха повторяют начало первой строфы и рисуют торжественный образ бури, а вторые — начало третьей строфы со слова «Выпьем», создавая картину победы человеческой стойкости, веселья и поэзии над силами мрака и мглы.

Биографический комментарий. Мы рассмотрели философский, символический характер стихотворения. Но этот смысл — в глубине текста. На поверхности стихотворение имеет отчетливый биографический характер. Оно связано с реальными обстоятельствами ссылки в Михайловское и может быть понято только с помощью активизации знания биографии поэта. При изучении стихотворения этот биографический план обязательно должен быть предметом внимания учителя. Учитель сам определяет, считает ли он уместным *сначала* раскрыть перед учениками конкретную биографическую основу стихотворения... или же прежде всего провести работу по комментированному чтению, раскрывая глубокий смысл стихотворения, а уже *потом* связать его с обстоятельствами жизни поэта. Первый порядок представляется более предпочтительным. При работе над биографическим комментированием текста следует использовать изобразительный материал <...> Крайне желательным подспорьем была бы экскурсия в Михайловское <...>.

Композиция стихотворения. Из текстуального анализа мы убедились, что **главная мысль** стихотворения выражена в его своеобразном построении. Это дает основания провести работу над композицией текста. Учащимся надо предложить разбить текст на сегменты (в данном случае это упрощается тем, что границы сегментов — границы строф), озаглавить каждый отрывок, используя слова из текста, например: «Буря», «Ветхая лачужка», «Спой мне песню...». Очень важно подобрать название для последней, финальной строфы (видимо: «Сердцу будет веселей...»).